Е. Л. НИКИТЕНКО

Никитенко Евгения Леонидовна
кандидат исторических наук
научный сотрудник, Лаборатория востоковедения, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел. +7 (499) 956-96-47
E-mail: evgnikitenko@yandex.ru

ДВА ПУТИ ПОЗНАНИЯ БОГА: ДАВУД ТА'И И ХАРИС МУХАСИБИ

Аннотация. В статье предложен перевод двух житий из агиографической антологии Фарид ад-Дина ʻАттара «Поминание друзей Божиих». Первое житие повествует о жизни подвижника VIII в. Давуда Та'и, второе посвящено основоположнику многих суфийских «искусств» Харису Мухасиби. Оба этих деятеля пришли к мистицизму, не удовольствовавшись ролью мусульманских ученых (улемов). Их жития демонстрируют, что люди одного рода занятий могли идти разными дорогами и при этом следовать по единому Пути — пути познания Бога.

Ключевые слова: мусульманский мистицизм, ʻАттар Нишапури, суфийская агиография

Фарид ад-Дин ʻАттар Нишапури (ум. ок. 1221) собрал в своей книге «Поминание друзей Божиих» (*Tazkirat al-awliyā*) жизнеописания 72 праведников, следовавших по пути познания Истинного, т. е. Бога. Из разных отправных пунктов, в разное время и разными дорогами герои этих 72 житий шли к одной и той же цели.

Давуд Та'и и Харис Мухасиби олицетворяют два пути, по которым могли следовать мусульманские ученые (улемы), вступающие на стезю мистического познания Бога.

Первый путь состоит в том, чтобы, осудив продажных «дельцов от науки», порвать связи с миром профессиональных ученых и проводить дни в уединении и молитве. Этот путь избрал для себя Давуд Та'и (ум. 781), подвижник из Куфы — муж, сторонившийся греха и людского общества[1].

[1] Насколько известно автору перевода, не существует отдельных исследований, посвященных Давуду Та'и. Сведения об этом подвижнике можно найти в работах по истории мусульманского мистицизма (см., например: [Кныш 2004: 433, Общий указатель]). Перевод жития Давуда Та'и на английский язык см. в [ʻAttār 2009: 264–270].

© Е. Л. НИКИТЕНКО

Давуд Та'и получил прекрасное образование в области религиозных наук, однако не пожелал примкнуть к сообществу профессиональных ученых, осуждая лицемерие и корыстность многих его представителей. При этом он почитал людей, истинно приверженных знанию, и хранил верность памяти своего учителя, великого правоведа Абу Ханифы[2].

Давуд Та'и славился своим пренебрежением к любым проявлениям этого мира, нелюбовью к человеческому обществу и нежеланием заводить семью. Он один из немногих мистиков, считавших безбрачие необходимым условием благочестивого образа жизни. У ʻАттара в «Поминании друзей Божиих» о Давуде Та'и сказано: «Он был совершенен в осмотрительности (*vara'*)[3]».

Существовал и второй путь для ученых-улемов, ставших аскетами и мистиками: они могли поставить свои знания и интеллект на службу мистическому познанию Бога. Этим путем пошел Харис Мухасиби.

Абу ʻАли ал-Харис б. Асад ал-ʻАнази по прозвищу Мухасиби (ум. 857) совмещал в себе качества мистика и ученого — богослова и правоведа, был «сведущ в науках о явном и скрытом» и оставил после себя множество сочинений по различным аспектам богословия и мистицизма. ʻАттар сообщает, что «во всяком искусстве [друзей Божиих] он (Мухасиби. — *Е.Н.*) был началом», и наделяет его почетным прозванием «наставник наставников» (*šayx al-mašāyix*) за то огромное влияние, которое его идеи оказали на последующих великих суфиев: Абу Талиба ал-Макки, Джунайда Багдади, ал-Ашʻари и на Абу Хамида ал-Газали[4]. Идеи Мухасиби получили самое широкое распространение: его сочинение по психологии и практике суфизма «Книга о соблюдении причитающегося Богу» (*Kitāb al-riʻāya li-ḥuqūq Allāh*) входило в число книг, обязательных к прочтению для вступивших на путь мистического познания Бога.

Своим прозвищем Мухасиби обязан учению о самонаблюдении и самоотчете (*murāqaba va muḥāsaba*), которое он разработал и популяризировал. Согласно этому учению, внешнего благочестия недостаточно для того, кто хочет стать истинно праведным. Человек должен постоянно следить за малейшими движениями своей души, ее намерениями и желаниями, ибо только ему самому полностью открыт его внутренний мир. Наблюдая за собой, человек должен при помощи разума (*ʻaql*) соотносить свои поступки и влечения с божественными велениями и отсеивать все неугодное Господу. Только такая «самоисповедь» способна помочь верующему вести истинно благочестивую жизнь.

---

[2] Абу Ханифа (699–767) — богослов, правовед и собиратель хадисов, основатель ханафитской школы права.

[3] Под осмотрительностью (*vara'*) имеется в виду усиленное внимание к своим мыслям и поступкам с целью воздержания от греха.

[4] Одно из первых западных исследований, посвященных Мухасиби, так и было названо: «Предшественник ал-Газали» [Smith 1936]. О Мухасиби см. также: [Librande 1983; EI², ст. «al-Muḥāsibi» (R. Arnaldez); Filiz 2006]. Житие Хариса Мухасиби ранее не переводилось на европейские языки.

Учение Мухасиби прижилось и было развито мусульманскими мистиками. Окончательное признание оно получило в знаменитом сочинении ал-Газали «Воскрешение наук о вере» (*Iḥyā ʻulūm al-dīn*), одна из глав которого посвящена практике углубленного самонаблюдения и самоотчета [Ghazzali 1993: 334–369].

Далее следуют переводы глав из «Поминания друзей Божиих» ʻАттара, посвященных Давуду Та'и и Харису Мухасиби. Курсивом выделены фразы и словосочетания, приведенные в оригинале на арабском языке. В квадратных скобках содержится текст, достроенный нами при переводе. Фигурными скобками отмечены разночтения, включенные издателем М. Эстеʻлами в основной текст.

Поминание Давуда Та'и[5] (*да пребудет с ним милость Божия!*)

Та свеча знания и прозорливости, тот светильник творения, тот труженик на пути, тот ведающий истину, тот благочестивый муж Давуд Та'и (*да пребудет с ним милость Божия*) был из величайших [сынов] этого племени и главой народа. Он был совершенен в осмотрительности (*vara'*). Он обладал полной долей в различных науках, особенно в фикхе, где он стоял во главе и выделялся [среди прочих]. Двадцать лет он был в ученичестве у Абу Ханифы. Он видел Фузайла и Ибрахима Адхама, а его наставником на пути был Хабиб Ра'и[6]. С самого начала в нем царила некая печаль, и он всегда сторонился людей. Причина его покаяния была такова, что он услышал вот этот бейт похоронного плача:

С какой из твоих щек началось гниение?
Который из твоих глаз вытек тогда?
Какой лик и какая прядь не были брошены в землю?
Какой глаз не вылился в землю?[7]

Этот образ причинил ему великую боль. Покой покинул его, он испытал смятение и в таком [состоянии] пришел к дверям Абу Ханифы. Имам увидел, что он (Давуд. — *Е.Н.*) находится в необычном для себя состоянии. Он спросил: «Что с тобой случилось?» Он рассказал о происшедшем и добавил: «Мое сердце охладело к миру. Во мне появилось нечто, а я не знаю пути к нему. Ни в одной книге я не могу найти толкования этому, и это не попадает под действие какого-либо правового заключения (*fatvā*)». Имам сказал: «Отвернись от людей». Давуд отказался от [общества] людей и затворился дома. Спустя некоторое время имам Абу Ханифа отправился к нему и сказал: «Не дело прятаться дома. {Дело — восседать среди

[5] Давуду Та'и посвящена 21-я глава «Поминания друзей Божиих» [ʻAṭṭār 2007: 227–232].

[6] Фузайл (в арабском произношении Фудайл) б. ʻИйад (ум. 803) — подвижник, отказался от пути профессионального ученого, выступал против общения с неправедными правителями. Ибрахим Адхам — уроженец Балха, суфийское предание приписывает ему царское происхождение. Желая служить Богу, он оставил родной город и провел остаток жизни в странствиях, вел аскетический образ жизни, был очень щепетилен во всем, что касалось ритуальной чистоты. Хабиб Ра'и — один из ранних аскетов, проповедовал отречение от мира.

[7] М. Эсте'лами, издатель персидского текста, указывает на то, что персидский перевод бейта неверен. В издании Р. Николсона [Nicholson 1905–1907] персидский перевод отсутствует.

имамов и слушать их неясные речи}, терпеть и ничего не говорить. [Тогда] ты узнаешь от них [решения] этих вопросов».

Давуд понял, что все так, как он говорит. В течение года он приходил на занятия, сидел среди имамов и ничего не говорил. Что бы ни говорили, он терпел, не отвечал и довольствовался слушанием. Когда закончился год, он сказал: «Это мое годичное терпение сделало дело тридцати лет». После этого он присоединился к Хабибу Ра'и, и через него ему (Давуду. — *Е. Н.*) был открыт этот путь. Тогда Давуд вступил на этот путь, как истинный муж: он выбросил книги в воду, затворился и оставил надежды на сотворенных.

Передают, что он получил в наследство двадцать золотых динаров и в течение двадцати лет тратил [их]. Тогда некоторые старцы (*mašāyix*) сказали: «Путь — в том, чтобы раздаривать, а не в том, чтобы хранить». Он сказал: «Я сохраняю то количество, которое избавит меня от забот, чтобы протянуть до смерти». И он никогда не прерывал трудов, до такой степени, что, окуная хлеб в воду и выпивая [ее], он говорил: «За [то время, что составляет разницу] между этим и едой, можно прочесть пятьдесят айатов Корана. Зачем же я буду тратить время понапрасну?»

Абу Бакр ʻАййаш[8] говорит: «Я пошел в келью Давуда. Я увидел, что он держит в руке кусочек черствого хлеба и плачет. Я сказал: "О Давуд! Что у тебя случилось?" Он сказал: "Я хочу съесть этот кусочек хлеба, но не знаю, дозволен (*ḥalāl*) ли он"». Другой рассказал: «Я пошел к нему и увидел кувшин с водой, выставленный на солнце. Я спросил: "Почему ты не поставишь [его] в тень?" Он сказал: "Я поставил сюда, [когда здесь] была тень. Теперь же мне стыдно перед Богом создавать себе удобства ради низшей души[9]"».

Передают, что у него был большой особняк со многими комнатами. Когда одна комната рушилась, он селился в другой. [Его] спросили: «Почему ты не восстанавливаешь помещения?» Он сказал: «У меня с Богом (*велик Он и славен!*) есть уговор, что я не буду восстанавливать этот мир». Весь его особняк обрушился, кроме прихожей. В ту ночь, когда пришла его смерть, обрушилась и прихожая. Другой пошел к нему и сказал: «Потолок дома в трещинах и [скоро] обрушится». Давуд сказал: «Я уже двадцать лет не вижу этого потолка».

Передают, что [его] спросили: «Почему ты не общаешься с людьми?» Он сказал: «С кем мне общаться? Если я буду иметь дело с кем-то ниже себя, то он не прикажет мне [заниматься] делами веры. А если я буду иметь дело с кем-то выше себя, то он не станет перечислять мне мои недостатки и будет приукрашивать меня в моих глазах. Так зачем мне общение с людьми?» Спросили: «Почему ты не возьмешь жену?» Он сказал: «Я не могу обманывать верующую». Спросили: «Как так?» Он сказал: «Посватавшись к ней, я возьму на себя {заботу о ее делах, религиозных и мирских. Когда не смогу исполнить — обману ее}». Сказали: «Расчеши уже бороду». Он сказал: «Разве я освободился от дел, чтобы заниматься такими вещами?»

Передают, что однажды ночью [ярко] светила луна. Он вышел на крышу, смотрел в небо, размышлял о духовном царстве (*malakūt*) и плакал, пока не лишился сознания и не упал на соседскую крышу. Сосед подумал, что на крыше вор. Он поднялся на крышу с мечом, увидел Давуда, взял его за руку и спросил: «Кто сбросил тебя?» Тот сказал: «Не знаю. Я был без сознания. Я не ведаю».

---

[8] Абу Бакр ʻАййаш — один из ранних подвижников, чтец Корана. Умер в Куфе в 809 г. (по другим данным, до 749) [Dihxudā 1993, ст. «Abū Bakr ebn-e ʻAyyāš»].

[9] Низшая душа (*nafs*) у суфиев — вместилище всех порочных стремлений, направленных на удовлетворение личных потребностей.

Передают, что видели, как он бежал на молитву. Спросили: «Что за спешка?» Он ответил: «Войско у ворот города, оно ожидает меня». Спросили: «Какое войско?» Он сказал: «Мертвецы на кладбище». Произнеся приветствия [по окончании] молитвы[10], он уходил так [стремительно], словно убегал от кого-то. [Так] он шел до двери дома. Ему было очень неприятно ходить на молитву по причине ужаса перед людьми, покуда Истинный (*возвышен Он!*) не освободил его от этого затруднения таким образом, как передают: однажды его мать увидела его сидящим на солнце, с него лился пот. Она сказала: «Сынок! Очень жарко, а ты непрерывно постишься. Что случится, если ты сядешь в тени?» Он сказал: «О мать, мне стыдно перед Богом сделать шаг для услаждения собственной низшей души. А я сам не обладаю умением угождать [женщинам][11]». Мать спросила: «Что ты такое говоришь?» Он сказал: «Поскольку в Багдаде я повидал такие случаи и непотребства, я молился, чтобы Истинный (*возвышен Он!*) забрал у меня умение угождать [женщинам], чтобы у меня был весомый повод не выходить в общество и не видеть их. Вот уже шестнадцать лет я лишен умения угождать [женщинам], а тебе не говорил».

Передают, что он постоянно был в печали. Когда приходила ночь, он говорил: «О, печаль, вызванная Тобой, возобладала над всеми печалями и отняла у меня сон». И говорил: «Когда избавится от печали тот, с кем непрестанно случаются беды?» Как-то раз один бедняк (*darvīš*) сказал: «Я пришел к Давуду и застал его смеющимся. Я удивился и сказал: "О Абу Сулайман, отчего такая радость?" Он ответил: "Утром мне дали вина, которое называют вином дружбы (*uns*). Сегодня у меня праздник[12], и я отдаюсь веселью"».

Передают, что он ел хлеб, когда мимо него проходил христианин. Он дал ему кусочек, чтобы тот поел. Той ночью христианин соединился со своей женой. [Так] появился Ма'руф Кархи[13]. Абу Раби' Васити[14] говорит: «Я сказал ему: "Дай мне наставление". Он сказал: "*Воздерживайся*[15] *от этого мира и разговляйся в мире ином*". Он сказал: "Воздерживайся от этого мира, а смерть сделай праздником [разговения] и беги людей, как бегут от свирепого льва"». Другой попросил у него наставления. Он сказал: «Придерживай язык». Тот сказал: «Прибавь еще». Он сказал: «Уединяйся от людей и, если сможешь, отвернись от них сердцем».

---

[10] Приветствия (*salām*) [по окончании] молитвы — ритуальная формула, которую должен произнести каждый верующий в завершение обязательной молитвы. Состоит из трех приветствий — пророку Мухаммаду, «нам» (молящимся) и всем верующим.

[11] Умение угождать [женщинам] (*ravā'ī*), также «процветание», «успех», «умение нравиться». А. Деххода конкретно для этого случая дает такое толкование: «общение с женщинами и умение находить усладу в их обществе» [Dihxudā 1993, ст. «Ravā'ī»]. В число женщин, которым Давуд Та'и не способен угождать, входит и его низшая душа (*nafs*): арабское слово *nafs* — женского рода и в литературе может персонифицироваться. О *нафс* в виде прекрасной девы см., например, «Рассказ о Сартапаке Хиндском» в «Божественной книге» (*Ilāhī-nāma*) ʿАттара (перевод на русский см.: [Лахути 2009: 47–51]). В переводе П. Лозенски *ravā'ī* — «способность передвигаться» [ʻAttār 2009: 266].

[12] Праздник — *'īd*, П. Лозенски понимает в данном контексте *'īd* как сокращенное *'Īd-i fiṭr*, Праздник разговения по окончании Рамадана.

[13] Ма'руф Кархи (ум. 815) — багдадский подвижник, происходил из христианской семьи. Проповедовал смирение, благочестие и воздержание, осуждал богословские диспуты.

[14] Не удалось найти подвижника с таким именем. Известен Абу Бакр ал-Васити (ум. 932), представитель иракской мистической традиции, ученик Джунайда ал-Багдади. Переселился в Хорасан и там проповедовал мистическое учение.

[15] Воздерживайся — *ṣum*, букв. «постись» (в персидском варианте — *rūza gīr*).

Тот сказал: «Прибавь еще». Он сказал: «В этом мире ты должен довольствоваться безупречностью (*salāmat*) веры, так же как приверженцы этого мира удовольствовались безупречностью этого мира». Другой попросил наставления. Он сказал: «Когда усердствуешь в этом мире, усердствуй настолько, сколько ты проживешь в этом мире и [сколько] тебе пригодится в этом мире. А когда усердствуешь ради иного мира, усердствуй настолько, сколько ты проживешь в ином мире и [сколько] тебе пригодится в ином мире». Другой попросил у него наставления. Он сказал: «Мертвецы ожидают тебя». И сказал: «[Когда] человек постоянно откладывает покаяние и послушание (*ṭā'at*), это в точности похоже на то, как будто он охотится ради того, чтобы все добытое досталось другому». Он сказал одному мириду: «Если стремишься к безупречности (*salāmat*), скажи этому миру на прощанье: "С миром!" А если стремишься к благородству, произнеси: "*Бог велик!*" над миром иным, оставляя его». То есть откажись от обоих, чтобы достичь Истинного.

Передают, что Фузайл за всю жизнь видел Давуда дважды и гордился этим. Однажды он (Давуд. — *Е. Н.*) вошел под расколотый свод. Он (Фузайл. — *Е. Н.*) сказал: «Поднимись, ибо этот свод расколот и [вскоре] обвалится». Он сказал: «Сколько я [сижу] в этой галерее, а этого свода не видел». *Они не терпели излишних взглядов, как не терпели излишних речей*. Второй раз был тогда, когда он (Фузайл. — *Е. Н.*) сказал: «Дай мне совет». Он ответил: «Сторонись людей». И Ма'руф Кархи (*да пребудет с ним милость Божия!*) говорит: «Я не видел никого, кто презирал бы этот мир больше, чем он, ибо весь этот мир с его обитателями был в его глазах меньше пылинки. Если он видел кого-то из них, то начинал жаловаться на его темноту. Неизбежно он был так далек от [общепринятого] пути и обычая, что говорил: "Каждый раз, как я постираю рубаху, нахожу сердце изменившимся"». Но к беднякам он питал сильную привязанность и смотрел на них взглядом почтительности и благородства. Джунайд[16] сказал: «Цирюльник сделал ему кровопускание. [Давуд] дал ему золотой динар. Ему сказали: "Ты проявил расточительность". Он сказал: "Тот, кто не способен на благородство, не способен и на поклонение". *Нет веры у того, у кого нет благородства*».

Передают, что некто был при нем и много смотрел на него. Он сказал: «Разве ты не знаешь, что много говорить отвратительно и много смотреть тоже отвратительно?»

Передают, что, когда между Мухаммадом[17] и Абу Йусуфом[18] случался спор, он был судьей. Когда к нему приходили, он поворачивался спиной к Абу Йусуфу и лицом к Мухаммаду, общался с ним и не разговаривал с Абу Йусуфом. Если справедливы были слова Мухаммада, он говорил: «[Верно] так, как говорит Мухаммад». А если справедливы были слова Абу Йусуфа, он говорил: «[Верно] так», — и не называл его имени. [Ему] сказали: «Оба они велики своей ученостью. Почему же ты выказываешь уважение другу, а второго не подпускаешь к себе?» [Давуд] ответил: «Потому что Мухаммад б. Хасан от [обладания] многими благами перешел к науке, и наука для него — средство возвеличения веры и умаления этого мира. А Абу Йусуф вышел из ничтожества и нищеты и сделал науку средством для возвеличения себя. Так что Мухаммад никогда не станет таким, как он, — ведь [когда] нашего учителя, Абу Ханифу (*да пребудет с ним милость Божия!*), били плетью,

[16] Джунайд — Джунайд ал-Багдади (ум. 910), аскет и мистик, глава багдадской школы мистицизма. Считается основоположником учения «трезвого» суфизма (в противоположность экстатическому, «опьяненному» суфизму).

[17] Не удалось установить, кто именно имеется в виду.

[18] Абу Йусуф (ум. 808) — багдадский правовед, ученик Абу Ханифы.

он (Мухаммад. — *Е. Н.*) не принял приговора, а Абу Йусуф принял. Я не разговариваю с теми, кто выступает против своего учителя».

Передают, что Харун ар-Рашид[19] попросил Абу Йусуфа: «Отведи меня к Давуду, чтобы я поклонился [ему]». Абу Йусуф отправился к дому Давуда, но не получил приема. Он попросил мать Давуда заступиться: мол, пусти его. Он не соглашался и сказал: «Какое мне дело до приверженцев этого мира и притеснителей?» Мать сказала: «Своим молоком заклинаю тебя — пусти его».

Он сказал: «Я не встречусь с этим притеснителем». Потом сказал: «Бог мой! Ты повелел: "Соблюдай право матери, ибо Я доволен тем, чем довольна она". А иначе какое мне до них дело?» [Давуд] принял их. Они вошли и сели. {Давуд начал проповедь. Харун много плакал}. Когда Харун [хотел] возвращаться, то положил золотую печатку и сказал: «Она дозволена [тебе]». Давуд сказал: «Забери — у меня нет нужды в этом. Я продал один дом дозволенным путем и живу на эти деньги. Я попросил Бога (*возвышен Он!*) забрать мою жизнь, когда закончатся эти деньги, чтобы у меня ни в ком не возникло нужды. Надеюсь, Он услышит эту молитву».

Затем оба они вернулись. Абу Йусуф спросил его управляющего: «Сколько у Давуда осталось на проживание?» Тот ответил: «Десять серебряных дирхемов». А он каждый день тратил по одной шестой серебряной [монеты]. [Абу Йусуф] подсчитал. В последний день Абу Йусуф сидел спиной к михрабу[20]. Он сказал: «Сегодня скончался Давуд». Посмотрели, и было так. Спросили: «Как ты узнал?» Он ответил: «Я посчитал по его тратам. На сегодня ничего не осталось, и я знал, что его молитва будет услышана».

Его мать спросили, как он умер. Она сказала: «Он всю ночь молился. Под утро он опустил голову в земном поклоне и не поднял. У меня сжалось сердце. Я сказала: "Сынок, время молитвы". Посмотрела — а он умер». Один великий муж сказал: «Он был болен и прилег в прихожей. Стояла сильная жара. Он положил под голову кирпич и, умирая, читал Коран. Я сказал: "Хочешь, я вынесу {тебя} на простор?" Он ответил: "Я стыжусь просить ради низшей души, ведь никогда она не повелевала мной. Тем более в этом состоянии". И той же ночью он скончался». Он завещал: «Похороните меня за стеной, чтобы никто не ходил передо мной». Так и сделали, и теперь так же.

В ту ночь, когда пришла его смерть, с небес послышался голос: «О, жители земли! Давуд Та'и прибыл к Истинному, и Истинный (*возвышен Он!*) доволен им». После этого его увидели во сне, будто бы он парил в воздухе, произнося: «В этот миг я освободился из темницы». Видевший пришел рассказать ему сон, а он скончался. После его смерти с небес раздался глас: «Давуд достиг цели».

Поминание Хариса Мухасиби[21] (*да пребудет с ним милость Божия!*)

Тот господин друзей Божиих, тот глава богобоязненных, тот достойный [и] наделенный величием [муж], тот почитаемый, внушающий гордость, тот собравший в себе добродетели, наставник (*šaux*) и ученый Харис Мухасиби (*да пребудет с ним милость Бога!*) принадлежал к числу ученых-наставников, [сведущих] в

[19] Харун ар-Рашид (ум. 809) — аббасидский халиф.

[20] Сидел спиной к михрабу (молитвенной нише) — читал проповедь, сидя лицом к собравшимся в мечети.

[21] В «Поминании друзей Божиих» 'Аттара Харису Мухасиби посвящена 22-я глава ['Aṭṭār 2007: 233–237].

науках о явном и скрытом. В [своих] сделках (*mu'āmalāt*) и указаниях он был всеми одобряем. Возвращаясь к Божиим друзьям [нашего] времени: во всяком [их] искусстве он был началом. Ему принадлежат многие сочинения по разным наукам. Он обладал великой доблестью и благородством, был наделен совершенной щедростью. Ему не было равных в проницательности и разумении. В свое время он был наставником наставников. Он отличался в отделении [от сотворенного] и в соединении [с Богом], находился на отдаленнейшем рубеже подвижничества и созерцания, был усерден на пути (*ṭarīqa*). По его мнению, «довольство» (*riżā*) относится к числу состояний, а не стоянок[22]. Разъяснение этих слов длинно.

Он был [родом] из Басры, а скончался в Багдаде. Шейх Абу 'Абдаллах Хафиф[23] (*да пребудет с ним милость Божия!*) сказал: «Подражайте пятерым из наших наставников и руководствуйтесь их состоянием (*ḥāl*), а прочих оставьте. Первый — Харис, второй — Джунайд, третий — Рувайм, четвертый — Ибн 'Ата, пятый — 'Амр б. 'Усман Макки[24] (*да смилуется над ними Бог*). Ибо они объединили [лучшее] из науки, истины, закона и пути. Все, кроме этих пяти, достойны приверженности. Что же до этих пяти, то они достойны и приверженности, и подражания». Великие [мужи] пути (*да смилуется над ними Бог!*) говорили, что 'Абдаллах Хафиф — шестой из тех, кто достоин и приверженности, и подражания. Однако превозносить себя — не их дело.

Передают, что Харису в наследство от отца осталось тридцать тысяч динаров. Он сказал: «Отнесите в казначейство, пусть достанутся правителю». Спросили: «Почему?» Он ответил: «Пророк (*молитвы ему и приветствие!*) изволил сказать: "*Кадариты*[25] *— маги этой общины*"[26] (кадариты — гебры[27] этой общины), — а мой отец был кадаритом. Пророк (*молитвы ему и приветствие!*) сказал: "Пусть мусульманин не берет наследства от мага". Отец мой был магом, а я мусульманин». Внимание Истинного (*возвышен Он!*) к сохранению его [от греха] было таково: когда он в сомнении протягивал руку к пище, то кровеносный сосуд на его пальце вытягивался таким образом, что палец переставал ему повиноваться до тех пор, пока он не понимал, что этот кусок не в порядке.

Джунайд сказал: «Однажды Харис пришел ко мне. Я увидел в нем признаки голода. Я сказал: "Дядюшка, принести ли еды?" Он ответил: "Прекрасно!" Я по-

---

[22] Состояния (*aḥvāl*, ед. ч. *ḥāl*) — душевные состояния, обычно кратковременные, ниспосылаемые мистику независимо от его усилий и степени духовного совершенства. Стоянки (*maqāmāt*, ед. ч. *maqām*) — этапы пути постижения Бога; переход на новую стоянку мистик может осуществить лишь при помощи постоянного самосовершенствования и соблюдения строгих правил и предписаний.

[23] Абу 'Абдаллах б. Хафиф — суфийский наставник из Шираза, был сторонником Халладжа и даже навещал его в тюрьме.

[24] Джунайд Багдади — см. примеч. 16. Рувайм б. Ахмад (ум. 915) — известный багдадский подвижник, друг Джунайда, представитель умеренного аскетизма. Ибн 'Ата, Абу-л-'Аббас (ум. 922) — багдадский подвижник, друг Халладжа, убит одновременно с ним. 'Амр б. 'Усман Макки (ум. 909) — багдадский подвижник, один из учителей Халладжа, автор одного из первых сочинений о степенях любви к Богу.

[25] Кадариты (*qadarīya*) — прозвище приверженцев концепции о свободе человеческой воли. Выступали в защиту тезиса о том, что человек является творцом своих действий. К кадаритам относили представителей философского течения му'тазилитов [ИЭС, ст. «ал-Кадарӣйа» (Тауфик Камель Ибрагим, А. В. Сагадеев)].

[26] Известный хадис, приводится в комментарии ан-Навави на свод хадисов Муслима «Ас-Сахих» [An-Nawawi: 129].

[27] Гебры (*gabr*) и маги (*majūs*) — последователи зороастризма.

шел в дом в поисках чего-нибудь [съестного]. [Накануне] вечером принесли кое-что со свадьбы. Я отнес ему. Палец не повиновался ему. Кусочек {он положил [себе] в рот. Сколько ни старался, [кусок] не проходил}. Он долгое время перекладывал его во рту, [потом] поднялся, выбросил посреди дома и вышел». После этого [Джунайд] сказал: «Я спросил о том происшествии. Харис ответил: "Я был голоден и не хотел тебя обидеть. Однако у меня с Богом (*велик Он и славен!*) есть знак: каждый раз, когда еда бывает сомнительной, она не проходит мне в горло, и палец мне не повинуется. Сколько я ни старался, [кусок] не прошел. Откуда была та еда?" Я сказал: "Из дома одного родственника". Затем я сказал: "Сегодня придешь ли ко мне в дом?" Он сказал: "Приду". Он пришел, и я принес кусочек засохшего хлеба. Тогда мы поели. Он сказал: "Когда приносишь что-либо дервишам, приноси такое"».

Он сказал: «Тридцать лет мои уши не слышали ничего, [исходящего] не из тайника моего сердца. Спустя тридцать лет ко мне пришло другое состояние, такое, что тайник моего сердца не слышал ничего, [исходящего] не от Бога». Он сказал: «У человека, которого вы видите стоящим на молитве, и он после этого радуется, — я сомневался, должна ли его молитва считаться недействительной? Сейчас я чаще всего думаю, что должна».

Он был чрезмерно усерден в самоотчете (*muḥāsaba*), настолько, что его из-за этого прозвали Мухасиби. Он говорил: «У приверженцев самоотчета есть несколько свойств, которые они применяют в речи. Если они держатся их (свойств. — *Е.Н.*) должным образом, то при помощи Истинного (*возвышен Он!*) достигают достойного положения. И все эти вещи находятся в зависимости от силы воли и от победы над страстями низшей души. Ибо тому, чья воля сильна, легко сопротивляться страстям низшей души. Так что сохраняй силу воли и следи за этими свойствами, ибо они закаляют. Первое свойство таково, чтобы ты не давал клятву именем Бога — верную или ложную, случайно или намеренно. Второе таково, чтобы ты воздерживался от лжи. Третье — чтобы не нарушал обещания, если можешь сдержать. И, сколько можешь, не давай никому обещаний, ибо это ближе к похвальным [деяниям]. Четвертое таково, чтобы ты никого не проклинал, даже если он поступит несправедливо. Пятое — чтобы ты не желал никому зла (*du'ā-yi bad*), ни словом, ни делом, и чтобы не искал возмездия и терпел ради Бога (*велик Он и славен!*). Шестое — чтобы ты ни о ком не давал свидетельских показаний по поводу неверия, многобожия, лицемерного [сокрытии неверия], ибо это скорее милость к людям, чем вражда с Богом (*возвышен Он!*). Седьмое таково, чтобы ты не намеревался совершить какое-нибудь прегрешение, ни во внешнем, ни во внутреннем, и ни на кого не посягал. Восьмое таково, чтобы ты не перекладывал свои трудности на других и снял с других свой груз, великий или малый, в необходимых тебе [делах] и в тех, что не столь важны. Девятое таково, чтобы ты полностью оставил надежды на сотворенных и перестал уповать на кого-либо и на его имущество. Десятое таково: высоты положения и полноты величия перед Богом (*велик Он и славен!*) в том, что Ему угодно в этом и в том мире, можно достичь лишь таким способом: любого из сынов Адама (*молитвы ему и приветствие!*), которого ты видишь, считать лучше себя».

Он сказал: «Самонаблюдение — это наука сердца о близости к Истинному (*возвышен Он!*)». Сказал: «Довольство — это обретение спокойствия в стремнине [Божественных] велений». Сказал: «Терпение — [это значит] стать мишенью для стрел бедствий». Он сказал: «Размышление — [это значит] видеть начало [всех] причин в Истинном (*возвышен Он!*)». Сказал: «Покорность — это стоять крепко, когда спускается беда, без единого изменения вовне или внутри». Он сказал:

«Стыдливость — это быть свободным от всех дурных качеств, которые неугодны Господу». Он сказал: «Любовь (*maḥabbat*) — это неодолимо желать какую-либо вещь; затем оказать ей предпочтение перед собой — телом, жизнью и имуществом, и принять это внешне и внутренне; затем понять, что вся вина — твоя». Он сказал: «Страх — это когда [некто] не может сделать и одного движения без такой мысли: "За это движение мне придется отвечать в ином мире"». Он сказал: «Знак привязанности (*uns*) к Истинному — ужас перед людьми, и бегство от всего, в чем замешаны люди, и уединение в сладостном поминании Истинного (*возвышен Он!*) до такой степени, что в сердце появляется привязанность к людям. После этого привязанность к сотворенным покидает сердце [навсегда]». Он сказал: «Искренний — тот, кому не страшно, если рядом с ним не останется никого из людей, и он будет считать, [что это] — на благо его сердцу, и не захочет, чтобы хоть кто-то видел его дела». {Он сказал:} «Во всех делах берегись слабости воли, ибо в этот миг враг одержит над тобой победу. И чуть только увидишь, что воля твоя ослабевает, ни за что не успокаивайся и проси защиты у Бога (*велик Он и славен!*)». Он сказал: «*Будь для Бога, или же не будь вовсе.* Будь ради Бога, или же не будь сам», — и это прекрасные слова. Он сказал: «Тот, кто очистил свою душу от греха при помощи подвижничества, достоин того, чтобы ему указали путь к стоянкам (*maqāmāt*)». Он сказал: «Каждому, кто захочет обрести наслаждения, [доступные] обитателям рая, скажи: "Общайся с непритязательными и праведными бедняками (*darvīš*)"». Он сказал: «Каждого, кто исправит свое нутро самонаблюдением и искренностью, Бог (*возвышен Он!*) украсит подвижничеством и следованием традиции (*sunnat*)».

Он сказал: «Тот, кто осведомлен о движениях сердца в обители скрытого, лучше того, кто осведомлен о движениях членов тела». Он сказал: «Познающие непрестанно спускаются в ров довольства, ныряют в море чистоты и достают жемчужины верности, пока неизбежно не достигают Бога в тайне и скрытом». Он сказал: «Есть три вещи, и тот, кто их обретает, получает от них [многую] пользу, а мы не обрели: добрая дружба с воздержанием от греха, верностью и состраданием».

Передают, что он работал над одним сочинением. Некий дервиш спросил у него: «Познание — это право Истинного по отношению к рабу или право раба по отношению к Истинному?» Из-за этих слов он оставил [работу над] сочинением. То есть если сказать, что раб приписывает себе познание и добывает его собственными усилиями, тогда [выходит, что] у раба есть право над Истинным, а это недопустимо. А если познание — это право Истинного, то недопустимо, чтобы Истинному предоставляли какое бы то ни было право. Здесь он пришел в изумление и оставил [работу над] сочинением. Другое значение таково: если познание — право Истинного, которое Он предоставляет по [Своей] щедрости, какой смысл писать книги о познании? Истинный Сам дает рабу то право, которым тот обладает: *Научил меня мой Господь*[28]. Если в ком-либо бывает способность, Истинный предоставляет [ему] это право, в таком смысле: *Ты не ведешь прямым путем тех, кого хочешь*[29]. У него не было другого выхода, кроме как оставить сочинение. Другое значение таково: познание — право Истинного по отношению к рабу, в том смысле, что, когда Истинный дал рабу [возможность] познания, раб обязан осуществлять это право. Когда раб осуществляет какое-либо право, служа [Господу],

[28] Начало известного недостоверного хадиса «Научил меня мой Господь, и научил меня наилучшим образом».

[29] Начало 56-го айата суры 28 Корана: «Ты не ведешь прямым путем тех, кого хочешь: Аллах ведет того, кого желает. Он лучше знает тех, кто идет прямо» [Коран 1986: 28: 56].

это является одновременно правом Истинного и бывает по Его споспешествованию. Так что рабу принадлежит право осуществлять право Истинного. Итак, он (Мухасиби. — *Е. Н.*) оставил [работу над] сочинением, а *Он лучше знает*.

Ибн Масрук[30] говорит (*да смилуется над ним Бог!*): «Когда Харис умирал, он нуждался в деньгах. От его отца осталось много имущества, однако он ничего не взял {и умер в час, когда испытывал лишения». *Да пребудет с ним милость Божия!*}.

Литература

ИЭС — Ислам: Энцикл. словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, 1991.

Кныш 2004 — *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб.: Диля, 2004.

Коран 1986 — Коран / Пер. с араб. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986.

Лахути 2009 — *Лахути Л. Г.* Илахи-наме — «Божественная книга» Фарид ад-Дина ʻАттара (XII–XIII вв.). Беседа 4, рассказы 1–2 // Ирано-Славика. 2009. № 1–2 (20). С. 47–51.

An-Nawawi — *An-Nawawi*. Sahih Muslim bi sharh an-Nawawi. Kitab al-iman. Цит. по электрон. версии. URL: http://hadith.al-islam.com/Page.aspx?pageid=192&BookID=34&TOCID=10.

ʻAṭṭār 2007 — *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ʻAṭṭār Nišābūrī.* Taẕkiratu-l-awliyā' / Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawżīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Istiʻlāmī. 16th ed. Tehran: Zavvar, 1386/2007.

ʻAttār 2009 — Farid ad-Din ʻAttār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis / Transl. and intr. by P. E. Losensky. New York; Mahwah: Paulist Press (The Classics of Western Spirituality Series).

Dihxudā 1993 — *Dihxudā A. A.* Luġat-nāma (čāp-i avval az dawra-yi jadīd). Jild-i 1–14. Tehran: Tehran Univ. Publications, 1372/1993.

EI² — Encyclopaedia of Islam. New ed.: 13 vols. Leiden: E. J. Brill, 1986–2005.

Filiz 2006 — *Filiz Ş.* The founder of the Muḥāsabah School of Sufism: Al-Ḥārith ibn Asad al-Muḥāsibī // Islamic Studies. Vol. 45. No. 1. 2006. P. 59–81.

Ghazzali 1993 — *Ghazzali*. Revival of religious learnings. Vol. 4 / Transl. by Fazl-ul-Karim. Karachi: Darul Ishaat, 1993.

Librande 1983 — *Librande L.* Islam and conservation: The theologian-ascetic al-Muḥāsibī // Arabica. Vol. 30. No. 2. 1983. P. 125–146.

Nicholson 1905–1907 — (1905–1907). The Tadhkiratu 'l-awliya ("Memoirs of the saints") of Muḥammad ibn Ibráhím Farídu'd-Din Aṭṭār / Ed. by R. A. Nicholson, introd. by M. Qazvīnī. London: Luzac & Co, Leiden: Brill, 1905–1907.

Smith 1936 — *Smith M.* The forerunner of al-Ghazālī // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1936. No. 1. P. 65–78.

[30] Ахмад б. Масрук — хорасанский подвижник, родом из г. Тус, жил в Багдаде и общался с Мухасиби и Джунайдом.

Two ways to knowledge of God: Davud Ta'i and Harith Muhasibi

Nikitenko, Evgeniya L.
PhD (Candidate of Science in History)
Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Тел. +7 (499) 956-96-47
E-mail: evgnikitenko@yandex.ru

Abstract. The article includes a translation of two entries from Farid al-Din 'Attar's hagiographical anthology "The Memorial of God's Friends". The first one recounts the life and sayings of 8th century ascetic Davud Ta'i, while the second one is devoted to the founder of many Sufi 'arts', Harith Muhasibi. The two of them were not entirely satisfied with being a Muslim scholar, so they chose the way of mystical union with God. Their life stories demonstrate how people of the same profession could go entirely different ways, yet at the same time travel on the same Path – to knowledge of God.

Keywords: Islamic mysticism, 'Attar Nishapuri, Sufi hagiography

References

'Aṭṭār, Farid al-Din (1905–1907). *The Tadhkiratu 'l-awliya ("Memoirs of the saints") of Muḥammad ibn Ibráhím Farídu'd-Din Aṭṭār* (R. A. Nicholson, Ed.) (M. Qazvīnī, Intro.). London: Luzac & Co, Leiden: Brill. (In Persian).

'Aṭṭār Nišābūrī, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad (1386/2007). *Taẕkiratu-l-awliyā'* [Memorial of God's friends] (Dr. M. Este'lami, Ed. of the text, Comment. and Indices). 16th ed. Tehran: Zavvar. (In Persian).

An-Nawawi. *Sahih Muslim bi sharh an-Nawawi. Kitab al-iman* [An-Nawawi's commentary on Muslim's 'Authentic'. The book of Belief]. Retrieved from http://hadith.al-islam.com/Page.aspx?pageid=192&BookID=34&TOCID=10. (In Arabic).

Dihxudā, A. A. (1372/1993) *Luġat-nāma (čāp-i avval az dawra-yi jadīd)* [Encyclopaedic dictionary (first ed. of the new version)] (Vols. 1–14). Tehran: Tehran Univ. Publications. (In Persian).

Encyclopaedia of Islam (1986–2005) (New ed., Vols. 1–13). Leiden: E. J. Brill.

Filiz, Ş. (2006). The founder of the Muḥāsabah School of Sufism: Al-Ḥārith ibn Asad al-Muḥāsibī. *Islamic Studies, 45*(1), 59–81.

Ghazzali (1993). *Revival of religious learnings*, vol. 4 (Fazl-ul-Karim, Transl. from Arabic). Karachi: Darul Ishaat.

Prozorov, S. M. (Compl. and Ed.) (1991). *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Knysh, A. D. (2004). *Musul'manskii mistitsizm: kratkaia istoriia* [Islamic mysticism: A short history]. Moscow; St. Petersburg: Dilia. (In Russian).

Koran (1986) [Quran] (2nd ed.) (I. Iu. Krachkovskii, Transl. from Arabic and Comment.). Moscow: Nauka. (In Russian).

Lakhuti, L. G. (2009). Ilahi-name — "Bozhestvennaia kniga" Farid ad-Dina 'Attara (XII–XIII vv.). Beseda 4, rasskazy 1–2 [Ilahi-nameh — Farid al-Din 'Attar's *Divine Book*. Conversation 4, stories 1–2]. *Irano-Slavica*, no. 1–2 (20), 47–51. (In Russian).

Librande, L. (1983). Islam and conservation: The theologian-ascetic al-Muḥāsibī. *Arabica, 30*(2), 125–146.

Losensky, P. E. (Transl. and Intro.) (2009). *Farid ad-Din 'Attār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis*. New York; Mahwah: Paulist Press. (The Classics of Western Spirituality Series).

Smith, M. (1936). The forerunner of al-Ghazālī. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, no. 1, 65–78.

Nikitenko, E. L. (2016). Two ways to knowledge of God: Davud Ta'i and Harith Muhasibi. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 245–257